

те ни одной изъ тѣхъ тонкихъ поражающихъ чертъ, ни одной изъ тѣхъ увлекательныхъ страницъ, которыя попадаютъ даже у Дюма въ самыхъ нелѣпыхъ его романахъ,—какъ, напримѣръ, сцены между Жильборомъ и Руссо въ «Запискахъ Врача». «Сынъ Тайны» это — нелѣпость на нелѣпости, вздоръ на вздорѣ. Все дѣло вертится на томъ, что три брата-молодца уродились такъ похожими другъ на друга, что родная мать не отличила бы ихъ одного отъ другого. Они посвятили всю жизнь свою на то, чтобъ отыскать законнаго наслѣдника замка Блутгауптъ, сына ихъ дяди, похищеннаго въ дѣтствѣ врагами ихъ фамилии, и отомстить этимъ врагамъ. И они во всемъ успѣваютъ: имъ покровительствуетъ сама судьба въ образѣ Поля Феваля, какъ покровительствовала Телемаку богиня Паллада, въ образѣ Ментора. Поэтому для нихъ легко и возможно все, рѣшительно невозможное для другихъ смертныхъ. Ихъ безпрестанно сажаютъ въ тюрьмы, но выбраться изъ тюрьмы, когда нужно,—имъ ни почемъ. Когда въ замокъ Блутгауптъ собрались всѣ враги ихъ и завлекли туда свою жертву, братья немощно поопоздали явиться въ замокъ. Но ничего: они еще успѣваютъ свое сдѣлать. На жертву направлена мортира — надо ее уничтожить, а высоко — не достанешь. Одинъ братъ влѣзъ на плечо другому, а рука все недостаетъ; нижній братъ началъ присѣдаться подъ тяжестью верхняго — вотъ рухнутъ оба съ высокой стѣны въ бездну. Въ эту критическую минуту жестокий авторъ, по праву гения, которому законъ не писанъ, оставляетъ и братьевъ съ ихъ неразрушенной мортирой, и задахающагося отъ ужаса читателя съ его нетерпѣніемъ, и начинаетъ новую главу, гдѣ переходитъ къ другимъ лицамъ своего интереснаго романа. Братья-удальцы уже работаютъ другое, а мортиру, какъ видно по ходу разсказа, они уничтожили — какъ? — это авторъ почелъ за нужное утаить отъ своихъ читателей, думая, вѣроятно: много будете знать, скоро состарѣетесь. Поль Феваль хорошо знаетъ натуру своихъ читателей — и зато онъ съ хлѣбцемъ... Въ наше время умный человѣкъ не умретъ съ голоду, если умѣетъ тѣшить или надувать тѣхъ, которые глупѣе его...

Авторъ «Иезуита», Шпиндлеръ, нѣкогда пользовался большою извѣстностью въ Германіи, какъ счастливый подражатель Вальтеръ-Скотта. Но теперь онъ пишетъ въ модномъ родѣ. Куда бросились французскіе кони съ копытомъ, туда же поплелся и нашъ нѣмецъ съ клешней. Пока дѣйствіе его романа происходитъ въ Германіи — еще можно читать его; но какъ скоро перенесъ онъ его въ южную Америку — посыпались такіе мелодраматическіе эффекты, что мочи нѣтъ. Тутъ

дикари дѣлаютъ нападеніе на селеніе браценныхъ и мудроуправляемыхъ добродѣтельными священникомъ дикарей, кого перерѣзали, кого забрали въ плѣнъ, въ томъ числѣ и добродѣтельнаго пастора. Но онъ, поговоривъ съ ними съ часъ времени, убѣдилъ ихъ креститься и увелъ для поселенія на свое пепелище. Тутъ кому не пропасть, всѣ находятся и другъ съ другомъ сходятся, хоть и необыкновеннымъ, но, по мнѣнію автора, возможнымъ образомъ. Къ концу романа герои соединяются законнымъ бракомъ и живутъ счастливо. Добродѣтель награждена, пороки наказаны, раскаяніе уважено. Только злодѣи-иезуиты урвались отъ заслуженной кары. Стало быть, все какъ слѣдуетъ.

Было время, когда переводъ всякаго иностраннаго романа на русскій языкъ составлялъ важную новость въ литературѣ и давалъ пищу критикѣ и полемикѣ, а переводчику — всеобщую извѣстность. Время это давно прошло — и безвозвратно. Если бы кто-нибудь перевелъ теперь вполнѣ, съ подлинника, всего Вальтеръ-Скотта или всего Купера, — тотъ составилъ бы себѣ имя. Но перевести, даже порядочно, модный французскій романъ — теперь ничего не значить. На подобные подвиги никто не обратитъ вниманія, тѣмъ болѣе, что они относятся скорѣе къ промышленности, нежели къ литературѣ, — и если мы рѣшились говорить объ этихъ эфемерныхъ явленіяхъ книжной торговли, то потому только, что не о чемъ говорить, хоть совсѣмъ выключай библіографію изъ журнала. Но старое обыкновеніе представлять на переводныхъ романахъ имя переводчика опять входитъ и должно войти въ силу, потому что переводами большей частью занимаются люди, равно не знающіе ни того языка, съ котораго переводятъ, ни того, на который переводятъ, всего чаще послѣдній, слѣдовательно, публикѣ нужно ручательство извѣстнаго имени, что переводъ удобенъ къ чтенію. Къ числу такихъ классическихъ именъ принадлежитъ имя Строева: оно безпрестанно представляется на переведенныхъ съ французскаго романахъ то въ качествѣ переводчика, то въ качествѣ пересмотрщика чужого персевода, въ обоихъ случаяхъ какъ вѣрное ручательство за достоинство перевода. Для насъ вѣрность этого ручательства немного — какъ бы сказать — сомнительна...

Бѣдные Люди. Романъ Федора Достоевскаго. Спб. 1847.

«Бѣдные Люди» были первымъ и, къ сожалѣнію, доселѣ остаются лучшимъ произведеніемъ Достоевскаго. Появленіе этого ро-